

2. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1861 г., изданная Могилёвским губернским правлением. – Могилёв : Тип. губернского правления, 1861. – [465 с.].

3. Памятная книжка Витебской губернии на 1861 г. – Витебск : Тип. губернского правления, 1861. – 217, 28, 50, 23 с., 1 табл., 1 карта.

4. Памятная книжка для Минской губернии на 1860 г. – Минск : Тип. губернского правления, 1860. – 3, 155, 111, 1 с.

5. Памятная книжка Виленской губернии на 1861 г. – Вильно : Тип. А. Сыркина, 1861. – Ч. 1. – VIII, 171 с.

6. Памятная книжка Гродненской губернии на 1861 г. – Гродно : Тип. губернского правления, 1861. – 3, 221, 82 с.

7. Памятная книжка Ковенской губернии на 1860 год. – Ковно : Губернская тип., 1859. – [2], 146 с.

УДК 94(476):316.647.8(=162.1)«183/186»:271.2(470)-9«183/186»

А. М. Кротов

ГГУ имени Ф. Скорины, г. Гомель

ВКЛАД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИЕ В ВОСПРИЯТИИ БЕЛОРУСОВ ОБРАЗА ПОЛЬШИ И ПОЛЯКОВ В 30-Х – 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

В данной статье рассматривается вклад Русской православной церкви в формирование в восприятии белорусов образа Польши и поляков в 30-х – 60-х годах XIX в. Автор приходит к выводу, что православное духовенство, оказавшись на передовой линии борьбы с польскостью и католическим прозелитизмом в Беларуси, несмотря на отсутствие должной поддержки со стороны государства и на активное противодействие польского католического элемента, успешно выполняло возложенную на него миссию по её православизации и русификации. Образ жизни православных священников, как и демонстративно-негативное отношение к ним со стороны «кресовой» шляхты, сближали их с паствой, способствовали разъяснению ими целей присутствия польского элемента в Беларуси и формированию тем самым в восприятии белорусов негативного образа Польши и поляков.

После создания в 1721 г. духовной коллегии, получившей название «Святейший правительствующий синод», Русская православная церковь была окончательно инкорпорирована в государственный

аппарат. Её главной задачей стала работа на идеологическом поприще или, выражаясь языком самой церкви, – духовное окормление людей, внесение в общество духа любви, деятельной веры, жертвенного служения ближним.

После разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. она оказалась на передовой линии борьбы, развернувшейся на территориях, отошедших к России. Причём российские власти долгое время предпочитали не фокусироваться на ней, оставляя тем самым церковь без необходимой поддержки. Ситуация усугубилась после завершения наполеоновских войн. По решениям Венского конгресса 1814–1815 гг. в состав Российской империи под названием Царства Польского «на вечные времена» отошла бóльшая часть созданного Наполеоном Великого герцогства Варшавского. Оно имело все элементы государственности (свою Конституцию, сейм, армию, денежную систему), за исключением права проводить самостоятельную внешнюю политику. Русские в нём составили лишь небольшой отряд гвардии и чиновников канцелярии великого князя Константина Павловича.

Это соответствовало принципам национальной политики, проводившейся Россией на инкорпорированных территориях (сохранение административных порядков, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры) [1, с. 30]. Имперское правительство широко сотрудничало с представителями польской элиты, что способствовало сохранению ими в своих руках практически всех ключевых позиций в управлении делами Царства Польского. Кроме того, поляки в полной мере пользовались созданными российскими властями преимуществами в правовом положении по сравнению с неполяками. С помощью налоговой системы российское правительство намеренно поддерживало в Царстве Польском такое положение, чтобы материальный уровень поляков был выше, чем собственнорусских. Общественно-политическая и культурная деятельность поляков также поощрялась российскими властями. В результате на белорусских землях позиции польского языка и польской культуры даже усилились. Русские проявляли терпимость к полякам и восприимчивость к польской культуре. В частности, офицеры и солдаты часто женились на поляках, но их дети почти всегда крестились и воспитывались в католичестве. Лишь в 1836 г., после подавления первого польского восстания, вышел закон о смешанных браках, согласно которому дети от браков православных с иноверцами должны были креститься и воспитываться в православной вере [2].

В конечном счёте либеральная политика, проводившаяся российским правительством в отношении поляков и польскости до восстания 1830–1831 гг., создавала условия для создания на территории Беларуси внутрироссийской польской колонии. На белорусов это действовало угнетающе, так как в их общественном сознании складывалось ощущение, что польская шляхта в Беларуси и при российской власти будет сохранять своё доминирующее положение.

Однако эта политика желаемого результата не принесла. Поляки мечтали о возрождении былого величия своего отечества. Их националистические настроения росли. Большое влияние на их умы продолжала оказывать «цивилизованная Европа», прежде всего Франция. Под впечатлением произошедшей там в июле 1830 г. революции польский сейм детронизировал Николая I. В своём манифесте от 12 декабря 1830 г. император констатировал: «Совершилось злодеяние, может быть, издавна умышляемое. Народ Царства Польского, после столь многих превратностей наслаждавшийся миром и благоденствием под сенью Державы Нашей, снова ввергнут в пучину мятежей и бедствий» [3, с. 109]. При этом он не считал, что все поляки должны понести кару за содеянное: «Мы готовы карать вероломство, но хотим отличить невинных от преступников, хотим миловать: и слабых, по слепоте или боязни следующих противозаконному влечению» [3, с. 110].

Большая часть русского общества, не говоря уже о служителях Русской православной церкви, оказалась настроена против польских повстанцев. Прежде всего по причине планов их вождей восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г. Свою роль сыграла и равнодушная к борьбе поляков позиция Франции и других европейских держав. В частности, поводом к написанию А. С. Пушкиным стихотворения «Клеветникам России» (2 августа 1831 г.) послужили требования оказать помощь польскому народу, прозвучавшие во французской Палате депутатов [4]. В этом стихотворении поэт выразил поддержку политике русского правительства и осудил его европейских критиков.

Передовые умы Российской империи не были врагами прогресса, в том числе и прогресса социального. Но только с их точки зрения «прогресса разумного». В стремлениях вождей польского восстания восстановить Речь Посполитую, тем более в границах 1772 г., они его не усматривали. Как не усматривал его и Ф. Энгельс, назвавший восстание 1830–1831 гг. «консервативной революцией» [5]. Такое совпадение в его оценках, сделанных столь разными по своим взглядам и убеждениям людей, свидетельствует об их объективности.

Это восстание ознаменовало провал политики царизма, направленной на соединение определённых принципов православной и западной цивилизаций, и окончательно склонило его к переходу от политики поощрения польскости к политике русификации [6, с. 55]. Подавивший восстание ген.-фельд. Иван Паскевич, став наместником Царства Польского, установил суровый режим, направленный на окончательное умиротворение непокорных поляков. В 1832 г. был введён «Органический статус», фактически превращавший Царство Польское в российскую провинцию.

Перемены произошли и на территории бывшего Великого княжества Литовского (ВКЛ). В 1831–1840 гг. вместо действующего до этого времени статута ВКЛ было введено общероссийское право. В 1832 г. за «заслуги» в подготовке будущих организаторов и участников восстания был закрыт Виленский университет. Началась ликвидация католических и униатских школ, запрещалось использование польского языка в преподавании [7, с. 148–149]. В 1839 г. началась борьба с церковной унией, которая способствовала полонизации униатского духовенства и внедрению в этническое и общественное сознание белорусов русофобии.

12 февраля 1839 г. в Полоцке были составлены Соборный акт о присоединении униатской церкви к Российской православной церкви и всеподданнейшее прошение о том Николаю I, которое было им принято 25 марта того же года. Большую роль в этом сыграл униатский епископ Иосиф Семашко. Благодаря его стараниям в лоно Русской православной церкви влилось более полутора миллиона униатов, живших на территории Беларуси и Литвы, что имело, помимо церковного, также большое политическое значение. Иосиф Семашко так объяснил мотивы, которыми он руководствовался: «Я с детства имел <...> душевное влечение к России и всему русскому <...> Неизмеримая Россия, связанная одною верою, одним языком, направляемая к благой цели одной волею, стала для меня лестным, великим отечеством, которому служить, благу которого споспешествовать считал я для себя священным долгом – вот сила, которая подвигла меня на воссоединение униатов, отверженных в смутные времена от величественного русского православного древа...» [8].

Принято считать, что после подавления восстания 1830–1831 гг. России стала стремиться к уничтожению польскости в Беларуси. Однако на деле управленческие и политические решения, принятые в 1840-е – 1850-е гг., которые должны были, как минимум, ослабить польское доминирование и влияние костёла, этому не способствовали.

В частности, 20 июля 1842 г. в силу вступило положение «Об обеспечении православного сельского духовенства», идея которого заключалась в том, чтобы обеспечить достаточное материальное содержание духовенства, воссоединённого из унии, с одновременным устранением платы за требоисправление (крещение младенцев, венчание браков, погребение умерших, освящение жилищ и проч.) [9]. Как утверждает церковный историк А. Романчук, оно имело крайне негативные последствия, поскольку «во времена унии священники для крестьян-униатов <...> не представляли большого экономического бремени» [9]. Хотя они и брали плату за требы, но жили в основном за счёт собственных имений, церковных фондушей (пожертвованных благодетелями земельных участков, недвижимого имущества, доходных предприятий и проч.), а также материальной и финансовой поддержки со стороны дворян-католиков. Кроме того, они были тесно и органично вплетены в жизнь общества. С 1842 г. для крестьян всё изменилось: повинность в отношении духовенства стала ещё одной барщиной – «поповской» [9]. Тем самым закон противопоставил православное духовенство прихожанам, уподобив его помещикам-полякам. При этом священники жили в крайней бедности (казённые дома, скудное казённое жалование, казённые земли, казённый хозяйственный инвентарь) [9]. Это негативно влияло на их отношения с паствой, совсем недавно возвращённой к православию.

После узаконения в 1842 г. материальной зависимости клира от польских помещиков православные священники «вынуждены были заискивать перед презиравшими их помещиками-католиками, чтобы добиться исполнения принадлежащими им крепостными крестьянами церковных повинностей» [9]. Это унижало их и лишало авторитета в глазах прихожан. Московский митрополит Филарет Дроздов написал в 1859 г.: «К прискорбию, нельзя отрицать, что в двадцатилетнее время после полоцкого акта 1839 года, совершилось много событий, и сделано немало ошибок, которыми могла воспользоваться латинская пропаганда. Связь воссоединённого духовенства с его паствой, которая оказалась довольно удовлетворительной во время воссоединения, и должна бы более укрепляться временем, оказывается, напротив, недовольно крепкою. Требуется особенное внимание, чтобы поддержать сие духовенство и связь его с паствой» [10, с. 440].

Росту влияния Русской православной церкви в Беларуси мешало также отсутствие должного внимания властей к церковно-строительному делу. Они пытались переложить ответственность за него на польских помещиков. Однако те демонстративно ничего не

делали для исправления ситуации. В результате многие православные церкви выглядели жалко в сравнении с ухоженными костёлами, о которых, не жалея средств, заботилась «кресовая» польская шляхта [9]. Такое положение являлось наглядным подтверждением тому, что она считала территорию Беларуси неотъемлемой частью Польши, по историческому недоразумению вошедшей в состав России. Это вело не только к дискредитации Русской православной церкви в глазах белорусов, но и утрате ими необходимого уважения к российским властям. Складывались условия, способствовавшие реанимированию польских амбиций, сильно пострадавших в результате подавления восстания 1830–1831 гг. Катализировало этот процесс заключение конкордата между Римско-католической церковью и Российской империей 22 июля 1847 г., которое воодушевило поляков и содействовало активизации костёла.

Единственной опорой российского самодержавия могло стать белорусское крестьянство. Но для этого его необходимо было социально и экономически поддержать. Прежде всего вырвать из крепостной зависимости от польских помещиков. Однако Николай I считал отмену крепостного права делом преждевременным, а потому опасным.

В итоге православная церковь, являвшаяся одной из опор самодержавия, не получила необходимой от него поддержки – ни моральной, ни материальной. Без неё она не могла успешно конкурировать с римско-католическим костёлом. Причиной же отсутствия поддержки со стороны государства было то, что государственная идеология Российской империи отвергала практику противопоставления разных этнических и конфессиональных групп [9].

В условиях поражения на поприще вооружённой борьбы с Россией идеологи польской шляхты попытались продолжить её на новом поприще – идеологическом. Понимая, что в условиях ширившейся русификации Беларуси позиции польскости вряд ли удастся отстоять, они сделали ставку на развитие белорусскости, инициировав белорусское национально-культурное возрождение и поддержав его на начальном этапе развития. Однако российские власти смогли вовремя распознать новую польскую «каверзу» и перехватить инициативу, перенаправив белорусское возрождение в безопасное для них русло. Православные священнослужители также приняли активное участие в развернувшемся идеологическом противостоянии, разъясняя белорусам цели и задачи присутствия польского элемента в Беларуси, внушая идею противостояния Руси (России) и русского народа, частью которого являлись и белорусы, с Польшей и поляками [7, с. 148–149].

В канун восстания 1863–1864 гг. митрополит Литовский и Виленский Иосиф Семашко предупреждал Александра II: «Для России ныне кажется важнее Царства Польского влияние его на западные губернии, а может быть и далее. Оно запустило сюда глубоко когти и препятствует слитию сих губерний с единокровною Россиею» [11, с. 12]. С искренней убеждённости писал о многовековом противостоянии между русскими и поляками также известный русский публицист, издатель и литературный критик М. Н. Катков в 1863 г.: «Между этими двумя соплеменными народностями история издавна поставила роковой вопрос о жизни и смерти. Оба государства (русское и польское – А. К.) были не просто соперниками, но врагами, которые не могли существовать рядом, врагами до конца...» [12, с. 476–477]. Ведя разговор об этом противостоянии, и представители православного духовенства, и светские авторы априори причисляли белорусов к русскому народу. Так, например, ведущий представитель «западно-русской» исторической школы М. О. Коялович писал об «исторической вражде» белорусов к «польскому здесь [т. е. в Беларуси – А. К.] племени» [13, с. 16]. Подтверждение этому выводу он видел в проявившей себя в ходе подавления восстания 1863–1864 гг. тенденции «отделаться от поляков и завладеть их землёй», в которой «сказывается сознание народа, сознание своей сдавленности пришлым племенем и сознание незаконности господства над ним этого племени» [13, с. 16–17].

Отмена крепостного права в 1861 г. содействовала укреплению авторитета российского государства в среде белорусских крестьян. И хотя они не получили земли, позиции польских помещиков всё же серьёзно пошатнулись. Этого было достаточно для того, чтобы белорусы вышли из состояния вынужденной толерантности и открыто стали заявлять о своём отношении к полякам и польскости.

М. Н. Муравьёв, которого Александр II в мае 1863 г. назначил виленским, гродненским и минским генерал-губернатором, командующим войсками Виленского военного округа, а также главным начальником Витебской и Могилёвской губерний, в своих «Записках об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа» высказал убеждение в том, что подавление восстания 1863–1864 гг. стало возможным именно благодаря упразднению Брестской церковной унии и отмене крепостного права [14, с. 631–632]. Заслугу воссоединения униатов с православием и расширения в крае позиций Русской православной церкви в 1840-е – 1850-е гг. М. Н. Муравьёв приписывал митрополиту Литовскому и Виленскому Иосифу Семашко. В своих «Записках...» он отметил: «Во время мятежа 1863 г. поляки

наиболее выказывали озлобления против православной церкви и служителей её, так что во многих местностях православные священники должны были скрываться от преследования; некоторые были умерщвлены ими при страшных истязаниях и мучениях, не говоря уже о многих православных крестьянах, <...> которые с самоотвержением служили правительству и подвергались мучительной смерти...» [14, с. 632–633].

М. Н. Муравьев особо указывал на негативную роль высших чиновников, отвечавших за западные губернии. Он утверждал, что «главные правители края оказывали явное предпочтение католическому духовенству и не только не содействовали митрополиту Иосифу, но даже противодействовали во многом» [14, с. 631–632]. Оценивая деятельность Иосифа Семашко, он заключал, что лишь благодаря ему в исключительно неблагоприятной обстановке к православию было возвращено население западных губерний, что «положило в будущем твёрдое начало русской народности в крае и дало возможность сельскому населению бороться с мятежом» [14, с. 632]. М. Н. Муравьев констатировал, что крестьяне, свобода которых была провозглашена манифестом 19-го февраля 1861 г., только после подавления восстания 1863–1864 гг. получили её на самом деле. Он заключал: «Они были ограждены от ига и грабежей бывших панов и, почувствовав всю важность присоединения их к православию и русской народности, послужили твёрдым оплотом будущего развития в крае русского начала, которое должно быть нераздельно с православием» [14, с. 632]. Связывая польскость и католицизм, «ибо католик и поляк односмысленны в понятиях народа», Муравьев прямо называл их главными врагами «русской народности в крае» и считал, что ослабление влияния католицизма здесь является одной из главных мер, на которые должно обращать внимание правительство [14, с. 632].

Таким образом, деятельность Русской православной церкви на территории Беларуси в 30-х – 60-х годах XIX в. гораздо более, нежели государственная власть, способствовала принятию белорусами новой социально-политической и религиозно-культурной данности, выводу их из-под доминирования польской шляхты и костёла. Хотя и не сразу, белорусы всё-таки стали верить в то, что в условиях российского господства польский мир «кресов» окончательно рухнет. Это соответствовало чаяниям многих их поколений. За века сосуществования с поляками, в условиях безусловного их доминирования во всех сферах жизни, в восприятии белорусов сформировалась эмоционально-психологическая база для негативного их восприятия.

Однако открыто выражать его они смогли только после подавления польских восстаний, главный смысл которых, с точки зрения белорусов, заключался в сохранении в Беларуси польского господства. Без сомнения, главную роль здесь сыграли служители Русской православной церкви, которые отстаивали российские державные идеи, разъясняли политику царского правительства в «западно-русских» областях, вели активную борьбу с полонизацией и католическим прозелитизмом, настойчиво разоблачали польские «каверзы», формируя негативный образ поляков и их национального «гнезда» – Польши.

Список источников и литературы

1. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б. Н. Миронов : в 2 т. – Изд. 3-е, испр., доп. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 548 с.

2. Сокол, К. Г. Купола над Вислой: Православные храмы в Центральной Польше в XIX – начале XX век [Электронный ресурс] / К. Г. Сокол, А. Г. Сосна. – С. 150–193. – Режим доступа : https://www.sedmitza.ru/data/119/994/1234/150_193.pdf. – Дата доступа : 12.02.2026.

3. Высочайший манифест 12 декабря 1830 г. // Вылежинский, Ф. И. Император Николай и Польша в 1830 году : Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1905. – С. 107–111.

4. Пушкин, А. [Электронный ресурс] / А. Пушкин. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/4966/klevetnikam-rossii>. – Дата доступа : 14.02.2026.

5. К. Маркс и Ф. Энгельс о польском вопросе. Речи на торжественном собрании в Брюсселе, посвящённом 2-й годовщине Краковского восстания 1846 г., 22 февраля 1848 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_4/p50.php. – Дата доступа : 14.02.2026.

6. Смалянчук, А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Смалянчук. – Спб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

7. Кротов, А. М. Образ поляков в восприятии белорусов в XVI – начале XX века / А. М. Кротов ; под науч. ред. В. С. Кошелева. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – 261 с.

8. Митрополит Иосиф (Семашко) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://web.archive.org/web/20121011093134/http://minds.by/monastery/gide/saints/iosif_semash.html. – Дата доступа : 14.02.2026.

9. Романчук, А. Польское восстание 1863–1864 гг. : конфессиональные предпосылки и отношение православного духовенства. Ч. 1. [Электронный ресурс] / А. Романчук // Наука. Вера. Культура. – Режим доступа : <https://naukaverakuljtura.com/польское-восстание-1863-1864-гг-конфессион/>. – Дата доступа : 14.02.2026.

10. Филарет (Дроздов), митрополит. Несколько мыслей при чтении записки о латинской пропаганде на западе России (1859 г., 28 июня) / митрополит Филарет (Дроздов) // Собрания мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского : в 7 т. – М. : Синодальная типография, 1886. – Т. 4. – С. 437–442.

11. Горизонтов, Л. Е. Русско-польское противостояние XIX – начала XX века в геополитическом измерении / Л. Е. Горизонтов // Европейские сравнительно-исторические исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. – Вып. 2 (2006) : География и политика ; отв. ред. А. А. Улуныян. – М. : Наука, 2006. – С. 9–31.

12. Катков, М. Н. Польский вопрос / М. Н. Катков // Русский вестник – 1863. – Т. 43. – № 1. – С. 471–482.

13. Коялович, М. О расселении племён Западного края России / М. Коялович. – М. : Типография Бахметева, 1863. – 36 с.

14. Муравьёв, М. Н. Записки об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа 1863–1866 гг. – Гл. 2 / М. Н. Муравьёв // Русская старина. – 1882. – Т. 36. – Вып. 10–12. – С. 623–646.

УДК 271.2(520)-9

И. Д. Грицук

МГПУ имени И. П. Шамякина, г. Мозырь

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В ЯПОНИИ

В статье рассматриваются особенности распространения православия в Японии, а также исторические условия его возникновения в странах Востока. Особое внимание уделено роли свт. Николая Японского в развитии православия и становления Православной Церкви Японии. Определена роль языка при переводе священных текстов свт. Николаем и охарактеризована организация духовной миссии в Японии. Определены исторические условия, повлиявшие на изменение позиции японских властей по отношению к христианству и, в частности православию.